

вем «Назидание», «Вертумна» и – один из шедевров позднего Бродского – стихотворение «На столетие Анны Ахматовой».

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бродский, И. А. Сочинения Иосифа Бродского / И. А. Бродский. – СПб., 1999.

2. Волков, С., Диалоги с Иосифом Бродским / С. Волков. – М., 2001.
 3. Пас, Октавио. Освящение мига. – Екатеринбург / Октавио Пас, 1998.
 4. Радышевский, Д. Дзен поэзии Бродского / Д. Радышевский. – М., 1999.
 5. Хайдеггер, Мартин. Избранные лекции / Мартин Хайдеггер. – М., 2000.

Материал поступил в редакцию 20.11.07

STOLYARCHUK S.P. Thematization of Time as actualization of philosophical and artistic tradition in the creative work by I.A. Brodsky

The article views the main concepts of literary and philosophical-anthropological context in I.A. Brodsky's creative work. It also analyses the paradigm of antinomies in the poetics by this author. The process of creative thematization of Time by means of traditional and existential-innovator forms is regarded in the article.

УДК 82:1

Коновод Л.М., Самосюк И.В.

КАТЕГОРИЯ КОМИЧЕСКОГО В ПОЭЗИИ Э. ЯНДЛЯ И О. ГРИГОРЬЕВА

Введение. Теория комического получила развитие еще в трудах древнегреческих философов-энциклопедистов – Платона, Аристотеля, Цицерона. Каждая литературная и культурная эпоха выдвигала свою трактовку категории комического. В работах мыслителей XX века этот вопрос по-прежнему остается актуальным: Ф. Ницше дает комическому иррациональное объяснение, А. Бергсон выдвигает интуитивистскую концепцию. Данная проблема стала также предметом исследования М.М. Бахтина, Ю. Борева, Б. Дземидок, Л.В. Карасева. В книге В.Я. Проппа «Проблемы комизма и смеха» [4] осуществлена классификация видов смеха, особое внимание в ней уделено пародированию, комическому преувеличению, алогизации, циничному смеху. Именно эти проявления комического присутствуют в стихах австрийского конкретиста Э. Яндля и русского поэта О. Григорьева. В силу того, что на современном этапе отмечается интерес именно к инверсии официального, доминирующего в культуре дискурса, к альтернативным формам рациональности, к тематике перевёртышей и игрового начала в культуре, целью данного исследования является определение специфических черт, места и значения категории комического на примере стихов Э. Яндля и О. Григорьева.

Приемы компаративистики позволят выявить и описать черты типологического сходства в идейном содержании, мотивах и художественных образах произведений австрийского и русского поэтов, а также отметить отличия, обусловленные различиями социально-исторических условий, национальных культур.

Детские стихи Э. Яндля и О. Григорьевича. Протест против пуризма, рассудочности, нигилистический пафос по отношению к бюрократически-тоталитарному обществу прозвучал в середине XX века в произведениях Э. Яндля и О. Григорьева. Творческие искания этих авторов привели их независимо друг от друга к схожим эстетическим и поэтическим выводам. Оба поэта создавали «несерьезные» тексты, стихи для детей, при чем так успешно, что их авторские тексты считаются фольклорными и цитируются повсеместно. Именно в детских стихах этих поэтов с наибольшей силой прозвучала иронично-абсурдистская трактовка мира, стремление избавиться от «культурных идолов», поиски аутентичного, живого смысла.

Большинство «детских» стихов Э. Яндля и О. Григорьева представляют собой оригинальные жанровые формы: садистские стихи, страшилки, считалки, нескладушки, литературу черного юмора. В СССР и Австрии 50-60 гг. XX века с их высоким уровнем юридического и бюрократического регулирования такие жанры стали противовесом формализованности и догматизма литературной политики. Комплекс «чужачества», заявленный в стихах поэтов, становится формой внутренней эмиграции, бегства от уродующей действительности.

Детские стихи Э. Яндля и О. Григорьева основываются на своеобразном пересечении комического и трагического. Г.В.Ф. Гегель писал, что «часто путают смешное и собственно комическое. Смешон может быть всякий контраст существенного и его явления, цели

и средств, противоречие, благодаря которому явление снимает себя в самом себе, а цель в своей реализации упускает себя. К комическому же мы должны предъявить еще одно, более глубокое требование. Сатира, резкими красками живописующая противоречие действительного мира тому, чем должен был бы быть добродетельный человек, дает нам весьма сухое доказательство этого положения. Глупости, нелепости, заблуждения сами по себе далеко не комичны, как бы ни смеялись мы над ними» [3, стб. 383-384]. Именно подспудная, а иногда и открытая сатирическая направленность текстов Э. Яндля и О. Григорьева позволяют говорить о серьезной социальной ангажированности творчества этих поэтов:

Стою за сардельками в очереди –
 Все выглядит внешне спокойно:
 Слышны пулеметные очереди,
 Проклятья, угрозы и стоны.

Трагическое возникает «как выражение позитивно неразрешимого конфликта, влекущего за собой гибель, либо тяжелые страдания достойных, заслуживающих глубокого сочувствия людей» [3, стб. 1087]. В поэзии Э. Яндля и О. Григорьева трагедия, страдания, насилие, деструкция повсеместно преследуют героев.

Необходимо отметить, что в «Поэтике» Аристотеля трагедия предполагает «перелом от несчастья к счастью или от счастья к несчастью» [1451a11]. Эти категории: трагическое и комическое, счастье и несчастье, смех и плач – глубоко амбивалентны, поскольку они вскрывают несовершенство мира и в то же время восстанавливают его устойчивость и целостность. «Комбинация трагического и комического, – по мнению Н. Гладких, – это гибридное катартическое образование, построенное на допущении, что необратимое обратимо. Смерть реагируется как пустяк. Это не инициационный архетип, где происходит преобразование личностного ядра в границах одного и того же тела, символически умирающего и рождающегося заново. Для возникновения черного юмора необратимость смерти должна отчетливо осознаваться. Но то, что по смыслу должно вызвать горестное переживание, оформляется как смешное. Из-за того, что условность и противоестественность очищения вполне воспринимаются, разрядка не может быть полной. После нее остается некоторое сомнение – а так ли уж это смешно?» [2, с. 91]. Смерть в разных обличьях – частый персонаж «страшных» детских стихов Э. Яндля и О. Григорьева, герои ведут двойную жизнь, сосуществуют в мире смерти и мире жизни, попадают в нелепые ситуации, разбиваются, топяты, теряют части тела и продолжают жить. Мертвый, обездушенный мир не замечает гибели человека, его перехода в инобытие, неладно устроенный мир порождает деформированных, изломанных духовно и физически уродцев:

Сизов умер.
 Но ожил снова.
 Сизова скрутили,
 Сизова связали,

Коновод Людмила Михайловна, старший преподаватель кафедры классической и современной зарубежной филологии Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина.

Самосюк Инна Васильевна, студентка 5 курса филологического факультета Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина.

Беларусь, БрГУ, 224665, г. Брест, ул. Советская, 8.

Похоронили живого
(О. Григорьев).

В мире тоталитарных отношений и крайней отчужденности личности традиционные способы изображения мира и человека становятся невозможными. Одновременно с этим художник не может игнорировать реальность этого мира и отказаться от его изображения. Алогизмы, пристрастие к парадоксальным сюжетным поворотам, персонажи-аутсайдеры, комическое переосмысление классических сюжетов, абсурдизация – эти приемы в творчестве О. Григорьева и Э. Яндля оказались идеальным выражением всех тех политических, социальных и бытовых ужасов, нелепостей, которые происходили вокруг, которые и породили этот самый абсурд, его мышление:

Крест свой один не сдержал бы я,
Нести помогают пинками друзья.
Ходить же по водам и по небесам –
И то, и другое умею я сам.

Смех, который вызывают тексты Э. Яндля и О. Григорьева, наиболее близок карнавальному, «это смех одновременно веселый, ликующий и насмешливый, высмеивающий, он и отрицает и утверждает, казнит и воскрешает, хоронит и возрождает», – пишет Ю. Борев [1, с. 180]. С подобной интонацией пародийного осмеяния размышляют поэты о теме человеческой смертности, строя свои тексты в форме парадокса:

С каждой секундой
Я старше и старше
Сам себя становлюсь.
Ужасно смешно мне
И весело страшно:
Что скоро я остановлюсь
(О. Григорьев)
Жизнь
Все длинней
И длинней
То есть короче
И короче
Она не тянется
(Э. Яндль)

Ценности, традиционно маркированные как незыблемые, сакральные, освященные традицией, под призмой комического подвергаются в стихах Э. Яндля и О. Григорьева сомнению и высмеиваются. Ирония в текстах поэтов становится способом мировосприятия, демонстрацией свободы сознания от общественных установок и стандартов.

Горестные переживания ребенка описаны в «Детском стишке» Э. Яндля. Под бесхитростным детским взглядом реальность предстает насилием, где даже семейные отношения дискриминированы грубостью, жестокостью, а зачастую и садизмом взрослых, которые переносят ценности социума во взаимоотношения между детьми и родителями. В стихотворении создается атмосфера недоговоренности, герой стихотворения мал, он не в состоянии осознать, что с ним происходит. Текст переполнен садистскими намеками, сценами физических расправ над ребенком, запугивания. Эта гиперболизированная жестокость по отношению к детям – эквивалент дегуманизации мира:

Мама скажет:
вырежем звезды
ночь настанет
ножик достанет
вырежет звезды
звезда пропадет
больно мне больно
за пальчик возьмет
мама скажет
вырежем звезды
мама прошу я
не надо страдать
только смеется
с ножиком мать
глупую голову
жарить и жрать
(Пер. А. Глазовой)

Стихотворение демонстрирует характерный для текстов-страшилок и садистских стишков арсенал средств. В первую очередь это оформленный в стихотворении смысловой разрыв между культурным запретом на профанирование отношений матери и ребенка и провокационный, жестокий характер действий героини. На текстуальном уровне это выражается в оппозиции чувств героя-ребенка «больно мне больно» и чувств героини-матери «только смеется с ножиком мать». Специфические средства вызывают в читателе «Детского стишка» чувство неопределенности, ожидания беды, нависшей над героем угрозы. Схожее настроение демонстрирует и стихотворение О. Григорьева «Дрожащие стихи»:

В запертом зале
Вздрыгнуло что-то,
Будто ударил
Кто-то кого-то.
Дрожащий папа
Дрожащей рукой
Дрожащую маму
Повел за собой.
Дрожащую дверь
Открыл в темный зал,
Там кот дрожащий
На лавке дрожал.
Дрожащие стекла
В окнах дрожали,
Дрожащие капли
По стеклам бежали.
«Ты просто трусиха.
Здесь нет никого,
Спокойно и тихо.
Дрожать-то чего?»
Так папа сказал...
Но, выйдя из зала,
И папа дрожал,
И мама дрожала.

Граница между детскостью и взрослостью в стихах Э. Яндля и О. Григорьева весьма условна. Как отмечает литературовед М. Яснов, герои подобных стихов – «это дети – окарнатуренные взрослые, с замашками записных обывателей. Взрослые же – этикие остановившиеся в своем развитии, невежественные, примитивные «дети» [5, с. 82]. Герой стихотворения «Без рта» – носитель редуцированного сознания, существо крайне примитивное в своих словах и действиях. Но парадоксальным образом такой герой передает манеру мышления «большинства»:

я во мне язык иметь
слово туда сюда кручу
но в основном я нем
ведь если где уши нет
там можно вовсе без рта
кроме есть пить и курить*

В жизни алогизм, неумение связывать следствие и причины, является очень распространенной ситуацией. В логике детей алогизм есть свидетельство наивных мыслительных поисков, робких попыток связать явления, разобраться в мире. В суждениях взрослых алогизм становится существенным изъяном, иллюстрацией невежества и неразвитости. По мнению В. Проппа, «скрытое, никому не заметное невежество не может быть комичным» [4, с. 105]. Смех возникает в тот момент, когда скрытое невежество вдруг проявляется в словах или поступках глупца, становится очевидным для всех, выливается в чувственно воспринимаемые формы. Именно такую ситуацию воспроизводят в своих стихах Э. Яндль и О. Григорьев. С помощью алогичных ситуаций поэты изображают «сон разума», вызванный сытым благополучием общества потребления – у Яндля, а также уродливые стереотипы мышления «советского» большинства – в стихах Григорьева:

Чтобы яблоки были ядовитые,
Надо в ствол мышьяку вогнать.
Все детки в округе будут убитые,
Если станут в садик ваш залезать.

Другой вариант алогизма, часто использующийся в лирике Э. Яндля и О. Григорьева, – несоответствие между внутренними по-

* Сохранена традиция письма конкретизма без прописных букв и знаков препинания

* Перевод авторов статьи

буждениями и действиями. Лирический герой стихов этих авторов видит мир искаженно и делает неправильные умозаключения. Этим он смешит окружающих, но внутренние побуждения его зачастую самые лучшие. В такой ситуации алогизм проясняет, что такой герой лучше многих умников:

Как у крупной птицы
Отрастил я крылья.
А соседей лица
Вытянулись в рылья.

В стихотворении «Время свободы», составленном как обрывки разрозненных реплик, Э. Яндль в духе алогизма горько иронизирует над мечтами и надеждами лирического героя дожидаться «часа свободы», над наивным ожиданием лучших времен, когда внезапно, из «ниоткуда» придет сладостное счастье. Здравомыслие и логицизм, присущий оппоненту лирического героя, выглядят в этом произведении жестокостью, подчеркивая мягкость и наивность мышления героя:

«за столетием
столетие
тщательно
записаны»

«потом я стану свободным....»

«нет, мертвым».

Язык стихов Э. Яндля и О. Григорьева представляет собой богатейший арсенал средств комизма и осмеяния, в нем широко распространены языковые каламбуры, парадоксы, остроты различного характера, отражающие некоторые аспекты жизни героя, особенно сти мышления. Языковой каламбур, направленный против несовершенств жизни, в стихах австрийского и русского конкретиста становится средством сатиры и обличения:

Мне врач бока лечил,

Пока лечил покалечил (О. Григорьев).

«При парадоксе, – отмечает В. Пропп, – исключают друг друга понятия объединяются вопреки их несовместимости» [4, с. 121]. Именно такой речевой парадокс демонстрирует в своем стихотворении «Времена года» Э. Яндль, высказывая одно понятие, подразумеваемая же противоположное ему:

лето
это ад.
осень же
это ад.
совсем зима не так
зима
это ад.
зато весна
это ад.

Категория комического в произведениях Э. Яндля и О. Григорьева зачастую проявляет себя в средствах карикатуры. Гегель определяет карикатуру на характер так: «В карикатуре определенный характер необычайно преувеличен и представляет собой как бы харак-

терное, доведенное до излишества» [1, с. 181]. Так характерный изъян ленности, недомыслия, доведенный до шокирующего излишества, представлен в стихотворении «Переулоч Франца Хофедлингера». Комизм в данном случае вновь связан с обнаружением явных или скрытых недостатков того, кто или что возбуждает смех:

куда я идут
лежу плюю
собачьи колбаски
пьяная рвота
я думаю что
так и надом
в рот брам
лизам глотам
думать не хотим

Искусство Э. Яндля и О. Григорьева – моделирование и программирование катарсиса, одной из функций которого является примирение с ситуацией, несовершенством действительности. Авторы достоверно воспроизводят в своих стихах психологию человека «большинства», ситуацию существования дегероизированной личности в дегуманизованном обществе. Черный юмор, который демонстрируют в своих стихах поэты, порожден восприятием мира как нелепости и хаоса, соединяющихся с социальной жестокостью и нормативностью.

Заключение. Мизантропический комизм, карнавализация в страшилках, садистских стихах Э. Яндля и О. Григорьева становятся единственно возможной и подлинной реакцией на всеобщий абсурд быта и бытия. Эстетика комического, пафос нигилизма, таким образом, служат в поэзии Э. Яндля и О. Григорьева средствами серьезного осмысления проблем современности. Результаты исследования могут представлять интерес в связи с составлением учебных программ, практикой преподавания современной литературы, языка и культуроведческих дисциплин в ВУЗе и школе.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Боров, Ю. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов / Ю. Боров. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 575 с.
2. Гладких, Н. Катарсис смеха и плача / Н. Гладких // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). – Томск: Изд. ТГПУ, 1999. – Вып. 6 (15). – С. 88-92.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. Институт науч. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.
4. Пропп, В.Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре (по поводу сказки о Несмеяне) / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, М., 1999. – 288 с.
5. Яснов, М. Детская поэзия в саду и дома / М. Яснов. – СПб, 2004. – 118 с.

Материал поступил в редакцию 20.11.07

KONOVOD L.M., SAMOSIUK I.W. Category comedy in poetry E. Yanll and O. Grigoriev

This article is dedicated to the problem of comic in the creative work of the Austrian poet E. Yandl and the poet from the USSR O. Grigoriev. It is mentioned that frightening rhymes, counting rhymes, sadistic poetry, the literature of black humor in the lyrics by these poets is based on the aesthetics of carnival, and serves as a special form of the protest against bureaucratization, formalization and totalitariness of literature and social life.

УДК 316.42.

Кавецкий С.Т.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МИРОВОЙ ИСТОРИИ: ИСТОКИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Введение. В статье тематически и систематизировано рассматриваются вопросы исторического наследия социологической науки, через призму современных процессов и тенденций в мире и стране.

В конце 80-х – начале 90-х годов в связи с активизацией общественной жизни в СССР, а в дальнейшем на постсоветском про-

странстве, по-новому зазвучали такие понятия, как социология, социолог, респондент и т. д. С этой, в тот период популярной, наукой многие связывали диагноз самочувствия общества и методы его лечения. Не все ожидания сбылись, на что есть как объективные, так и субъективные причины. Однако надо иметь в виду, что социология еще относительно молода. Основателю социологии, француз-

Кавецкий С.Т., доцент каф. политологии и социологии Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина. Беларусь, БрГУ, 224665, г. Брест, бульвар Космонавтов, 21.